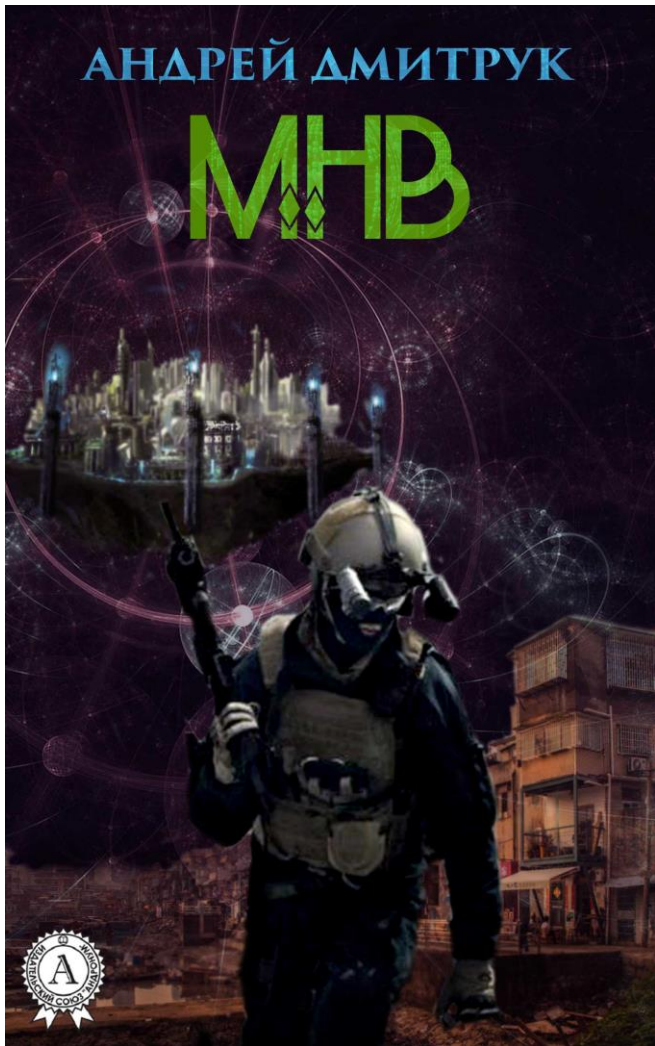

АНДРЕЙ ДМИТРУК

МНВ

Аннотация

Опубликована в журнале «Искатель. Украина». МНВ — это «мир наибольшей вероятности», будущее Земли, которое прогнозирует и воспроизводит компьютерная система некоего института. Но мало того: система даёт возможность герою повести, Люку, присутствовать в виртуальном грядущем! Только там он уже не учёный-исследователь, а костолом-спецназовец из местной полиции. Мир, куда попадает Люк, невообразимо и извращённо жуток: люди в нём вновь поделены на касты; низшее сословие, уорки, вообще лишено разума и способно лишь выполнять тяжёлые работы, зато правители, Боссы, окружены безумной роскошью и путешествуют по небу в летучих городах... Неужели это — реальная перспектива человечества?! Некоторые события сегодняшнего дня заставляют Люка в этом усомниться...

Андрей Дмитрук

МНВ

Фантастическая повесть

Памяти гениального Герберта Дж. Уэллса, чьи пророчества, изложенные в «Машине времени», я до 1991 года считал устаревшими...

I

Некоторое время я еще пытался ехать среди толпы, потом остановил машину. Улица была запружена во всю ширину, вместе с тротуарами, вплоть до подъездов домов, да и на старинные тумбы коновязи кто-то выбрался.

Люди, одетые, словно на фольклорный праздник, плотно сбились на перекрестке и в сквере перед фасадом Дворца Конгрессов. Мужчины, молодые и старые, в широких коротких штанах, белых чулках до колен, вышитых жилетах и заломленных шляпах с фазаньим пером; женщины в длинных платьях с кружевными воротничками и манжетами, в передниках, — на многих еще и приталенные безрукавки, расшитые шнуром, и чепцы с загнутыми крылышками. Вот когда пошли в ход запасы из бабушкиных сундуков!..

В открытое окно моей машины заглянул краснощекий молодец, обдав приятным запахом пива; из-за его плеча выглядывала голубоглазка с пшеничной челкою, выглядевшая в чепце и старинном платье куда краше, чем была бы в какой-нибудь майке с эмблемой «Макдональдса».

— Вы, часом, не на саммит, мой господин? — очень вежливо спросил парень, но в глубине его баска прогудела угроза.

— Да нет... я не так богат! — Отвечая, выбрал я, должно быть, правильный тон; девушка хихикнула. — Мне вообще-то направо.

— Придется объехать. — Молодец мотнул головой, показывая, куда; перо за лентой его тирольки лихо закачалось. — А не то, бросайте машину, — ничего с ней не случится, — и давайте с нами ко дворцу! Мы им сегодня дадим жару...

— Нет, — может быть, вам нравится то, что *они* делают? — с веселым вызовом спросила девушка. — Весь мир пьет и есть одно и то же, носит одно и то же, думает...

— Да не думает он вообще, — перебил ее парень. — В том-то и задача, чтобы мир ничего не думал, а верно служил своим хозяевам.

— Мне это нравится не больше, чем вам, — сказал я, откровенно любуясь блондинкой. — Просто — разгар рабочего дня. А то бы кинул пару кирпичей в стекла...

— Наш человек, а? — Парень выпрямился, отчего я увидел его широкий кожаный пояс с созвездием медных кнопок. Свежий бас пролился сверху: — Если освободитесь, приезжайте. Это быстро не кончится. Скоро будет выступать Лехнер. Вам бы его послушать, — последние сомнения пропадут.

— Постараюсь, — сказал я, улыбнулся девушке и стал объезжать толпу.

Пятясь задним ходом, я видел, как подбегают новые группы ряженных, неся плакаты и лозунги. Ненависть выплескивалась в аршинных буквах, веселая и опасная. Грубо намалеванные рисунки изображали, в основном, нашу планету. Здесь зубастые монстры с надписями на лбу, не менее известными людям, чем имена Христа или Будды, но обозначавшими лишь компьютерное божество или мировую империю трикотажа, выгрызали куски из земного яблока. Там — бугристая ручища смахивала с Земли Парфенон и Тадж-Махал, другая же лапа на очищенный бок лепила фирменные этикетки.

Свернув, наконец, в улицу Густава Климта, а оттуда — на засаженный старыми акациями бульвар Людвиг Баварского, я подумал, что и впрямь сочувствую демонстрантам, надевшим наши старые национальные костюмы, дабы этим противостоять всемирному обезличиванию.

Конечно, у подножия фирм-титанов, засыпающих Гвинею и Лапландию одинаковыми кроссовками, кетчупами и мыльными операми, суетились еще какие-то группочки, пытаясь сохранить все цветение народной и личной жизни. Но духу человеческому приходилось все хуже. Не говоря о трех четвертях землян, чьи мысли не простирались дальше завтрашнего обеда, а тела были истощены тупым трудом, — относительно сытые «счастливчики» день за днем привыкали к жизни биороботов. Их учили молиться лишь на успех и удачу, обожать дутых идолов спорта и видео, испытывать оргазм от покупки новых вещей. Религии и обычаи, наследие безмерно древних культур Запада и Востока, святость и рыцарство, верность и целомудрие, личная неповторимость, — все подминалось и расплющивалось корыстью. Франциск Ассизский и доктор Фауст, Мария Волконская и Жанна д'Арк — все они нынче были бы осмеяны, объявлены психопатами. Плодились только добытчики, безмозглые, бессердечные и... пугающе одинаковые.

II

Задумавшись о мрачном, я едва не влетел в угол чугунной ограды, за которой в маленьком парке высился желто-розовый особняк нашего

института. Вывернув руль в последний момент, я подъехал к растворенным воротам. Дом строился в начале прошлого века для семьи процветающего адвоката: кто мог знать, чем однажды начинят трехэтажку с лепными карнизами, островерхую башенкой на черепичной крыше и выпуклыми эркерами?..

Пробежав под липами и одолев четыре ступени перед входом, я приложил пальцы к сенсорной пластине на резных, с витражами дубовых дверях. Охранник в вестибюле приветствовал меня, взяв под козырек. Делом минуты было взбежать по ковровой лестнице на второй этаж и войти в машинный зал.

В большой комнате, ранее, очевидно, служившей для балов, а теперь обшитой звуконепроницаемыми панелями, загроможденной мониторами и другой аппаратурой на столах и стендах, возился старина Герхард в окружении пяти-шести сотрудников из разных отделов. Люди все были солидные, включая старейшую из наших лаборанток, широкоплечую, мужиковатую Еву Чонску. Молодежи о сегодняшнем эксперименте вообще не полагалось знать. Вся эта компания отлаживала кресло на помосте, почему-то называемое у нас «нюрнбергской девой» (было такое средневековое орудие пыток). Пахло горелой резиной, канифолью и растворимым кофе. За руку

со мной поздоровался один Герхард, остальные отделались приветственными жестами или даже не обернулись. А между прочим, эксперимент предстоял не рядовой; можно сказать, вершина лестницы, по ступеням которой много лет поднимался наш институт. Если результаты будут достойны внимания, мы повторим опыт в присутствии высокого начальства. Может быть, нам увеличат содержание на следующий год, и даже очень увеличат: насколько я знаю, учреждение под скромною вывеской «Институт экономических прогнозов» финансирует даже оборона...

Сначала меня простукал и прослушал доктор Кнорре из нашего медотдела, воткнул в предплечье тонкую иглу экспресс-анализатора и с минуту смотрел на экран. Последовал милостивый докторский кивок. Я был годен.

— Ну, садись, путешественник, — сказал Герхард, не отклеивая окурка от угла губ. Если бы даже сейчас стояли рядом наши парламентарии в отменных костюмах и генералы в парадной форме, он и не подумал бы сменить на что-нибудь иное свою мятую рубаху, еле заправленную в брюки с подтяжками, смахнуть пепел с колен и пригладить чем-либо иным, кроме послюненной ладони, редкие седеющие волосы. Галстук на научном руководителе института болтался, будто колокольчик у козла — вожака бараньего стада.

Я сел, и Герхард, двигаясь, словно в полусне, однако на редкость экономно и точно, закрепил на мне ручные и ножные браслеты с датчиками, сунул под майку металлический присосок. Скуластая Ева, похожая на переодетого дамой костолома-телохранителя, надела мне на голову тяжелый шлем, соединенный проводами с компьютером. После этого нос мой был оседлан тяжелыми непрозрачными очками, проводки от них прилепили к вискам — и на том окончили меня мучить.

— Не думай ни о чем постороннем, — напутствовал невидимый Герхард. — Ты знаешь, — при любых тревожных показателях возвращаешься автоматом. Отождествление должно быть полным. Удачи! Даю отчет...

Кто-то еще пожелал мне удачного возвращения, и в ушах запыкали сигналы.

Тренажи подготовили меня ко всему, но сердце все же билось чаще, чем обычно, и во рту воцарилась сушь, заставив вспомнить о кофе. Однако было поздно что-либо переигрывать. Пискнул десятый сигнал, растаяли оковы датчиков и само кресло подо мной. Все кругом залил жаркий солнечный свет. Я прибыл.

III

С чего это мне показалось, что еще недавно я был одет в какой-то дурацкий штатский костюм с допотопным синим галстуком? Задремал, наверное, в дороге... Я повел плечами под кожаной металлизированной курткой гарда, переступил высокими шнурованными ботинками, поправил на поясе кобуру бимера. Вот это — мой подлинный вид, никаких сомнений. Я сидел в глубоком, удобном кресле мощного джампера, под прозрачным пузырем; внизу стелились иссиня-зеленые, коричнево-желтые, салатные многоугольники полей и садов — обычный кормящий пояс города.

Заиграл мой нагрудный уником, действие началось. Спроецированная уникомом, повисла передо мною стриженная ежиком, мясистая, с глубоко вдвинутыми изюминами глаз голова моего начотдела.

— Так, Люк, патрулирование мы пока прекращаем, — в своей обычной манере неприятного, но тем охотнее преподносимого сюрприза, глухо и гнусаво начал он. — Кэссиди младший пропал. Дуайт Эйзенхауэр Трумэн Кэссиди, восьми лет, домашнее имя Дуду. Весь мир на ушах. Но, похоже, искать надо там, где ты сейчас, в Оберграфендорфском округе. Один

человек вроде знает, откуда ноги растут. Он свяжется с тобой в Оберграфендорфе. Выполняй, доложишь.

Голова начотдела исчезла, будто мыльный пузырь лопнул без звука, — зато возникла прехорошенькая рыжая головка восьмилетнего сорванца. Я сохранил ее в памяти уникама.

Затем, мысленно обругав обоих Кэссиди, младшего и старшего (брань вслух по этому адресу могла бы стоить дорого), я скомандовал роботопилоту найти ближайшую зарядную колонну.

Три минуты спустя мой джампер снизился и сел на площадку; опорой для нее служила блестящая гласолитовая колонна рядом с перекрестком дорог. Под площадкой красовался объемный серебристый знак гардов, — никто из низших социорас не смог бы здесь брать энергию под страхом самого жестокого наказания.

Покуда шла зарядка, я глядел, как рядом, в низине, в огромном сплошном саду копошатся уорки, снимая апельсины, рыжими звездами горевшие в плотной листве. Совершенно голые сборщики и сборщицы наполняли плодами большие корзины. Когда корзина была полна, ее тащили к дороге, где — чуть впереди моей машины — стоял на траве вдоль обочины ряд грузовиков, похожих на овальные пепельницы. Содержимое корзины высыпали в кузов, затем сборщики возвращались в

сад. Понятное дело, все происходило без слов, уорки не владеют речью; лишь иногда за деревьями слышался вопль удовольствия, чаще звучал раздраженный визг. Кажется, где-то поднялась драка, — но хлопнул отрезвляющий разряд, и все стихло.

Вот поднялся и уплыл над землей грузовик, наполненный оранжевою массой... Уплыл? Не было ни колес, ни кабины, ни водителя... А разве они должны быть? Что это я вспомнил о машинах трехсотлетней давности, из исторического вирто?..

Своим зрением, предельно обостренным благодаря специальной мутации, я отлично видел сборщиков, подходивших к дороге, их рано одряхлевшую кожу, обвислые груди женщин; видел бессмысленные одутловатые лица с потухшим или горящим искрою звериного возбуждения взглядом. Пишут, что когда-то встречались люди с разным цветом кожи — белым, коричневым, красноватым; перемешавшись, все стали одинаковыми, оливково-смуглыми; но уорки отличаются от прочих особым оттенком кожи, напоминающим пыльную дубовую доску... Вот один, оступившись с корзиной, толкнул другого; тот огрызнулся по-собачьи, назрел поединок... Но рядом ходил младший гард, держа электрическое стрекало, — мы с ним уже успели издали козырнуть друг другу. Уорки, ворча, успокоились.

Скоро мое скучное ожидание было чуть скрашено зрелищем, много раз виденным мною в разных местах Земли, в том числе на гигантских оргиодромах. Загремела, приближаясь, натужно-бодрая музыка из одних ударных и дудок; ударила по ушам так, что мне пришлось повысить порог слуха. Длинный флабус, окруженный стадом подвижных виртофигур — пляшущих клоунов, смешных зверей и чудищ, быстро подплыв, свернул с дороги и лег на траву у границы сада. Его репродукторы ревели, из пилона на крыше стреляли трескучие огни, взлетая и оставляя шлейфы разноцветного дыма. Мигом побросав работу, издавая нечто вроде хрюканья или индейских кличей, перекрывавших даже зык динамиков, орда сборщиков устремилась к машине. Гарды не мешали, неторопливо сходясь в кучку.

Флабус выдвинул крылья-помосты, уставленные цветными бутылочками, заваленные горами пестрых упаковок. Мужчины и женщины, сладострастно урча или истошно завывая, принялись отшвыривать друг друга в борьбе за угощение, — но его было много, хватило на всех. Флабус продолжал извергать жестяную, бьющую по головам музыку; люди, рассеявшись по уютным уголкам под ветвями, жадно выпили и проглотили все, что успели нахватать, и сразу перешли к иным действиям. Некоторые прохаживались, выпятив

грудь, видимо, воображая себя какими-то важными особами. Другие принялись плясать, крича и подражая уродам, кривлявшимся в воздухе вокруг машины. Часть урков мигом скисла и попадала с ног, оцепенев в каком-то ступоре, мало похожем на нормальный сон. Эйфор, понятное дело, воспринимали по-разному... Иные сборщики стали проявлять весьма грубый интерес к особям противоположного пола, причем инициативу нередко брали на себя женщины: валили партнера наземь и тут же, с руладами уж вовсе обезьяньими, начинали совокупляться. Я заметил, что подобные сцены происходили и между мужчинами; а один здоровяк, обливаясь потом и являя чудеса эрекции, гонялся по лугу у посадки за юнцом, визжавшим от страха, пока не схватил того и не оседлал...

Гарды, которым на специальном обезвешенном столике флабус послал угощение, отпивали из бокалов, курили и смеялись над особо безобразными выходками подопечных.

И это зрелище успело мне прискучить, когда, наконец, снова запел и замигал на груди уником. Виртопроекции не было. Я поднес прибор к уху, мелодический грохот заставлял слушать избирательно. Собеседник, очевидно, не обладавший сознательно управляемым слухом, заорал: «Что это у вас там за бардак? Ни хрена не слышу!». Прикрывая уником ладонью, я попросил

абонента уточнить координаты встречи.

«А вы меня слышите?» — спросил он. Голос казался каким-то старческим, но был пронзителен. «Слышу, даже если вы будете шептать», заверил я. «Называйте место».

Он сообщил, что будет ждать меня в Оберграфендорфе; названа была также наливайка, посещаемая низшим разрядом мерков. Попрощавшись, я велел автопилоту заказать в информбанке план этого города, отыскать там оное заведение и править к нему.

Рванувшись с места, мой джампер мигом оставил за собой перекресток среди садов, и орущий и стреляющий флабус, и тупую оргию — перерыв на отдых, устроенный для уорков. В длинном прыжке, на изрядной высоте миновал несколько админцентров, окаймленных кормовыми поясами и кольцами уорковских барачков, за рекой, чьи прихотливые изгибы единственно нарушали геометрическую скуку местности, я снизился над окружным городом Оберграфендорфом. Как положено, районы обитания социорас различались резко. Круги барачков под волнистым цинком, разделенные кольцевыми дорогами для патрулей, сменились кварталами, где жили мерки. Здесь, наоборот, каждый хозяйчик старался выпендриться: домишки, обрамленные газонами, напоминали игрушечные замки или кремовые торты;

крошечные цветники являли взору безвкусную пестроту, среди них топорщились даже тщательно огороженные пальмы. Мало того, — над любимым, самым убогим жилищем мерка обязательно висело некое цветное, объемное, часто движущееся вирто. По сути, в воздухе над крышами сверкала и переливалась вторая мерковская зона — рекламные красотики или играющие мускулами атлеты, забавные твари, изображения товаров, логотипы и мерцающие тексты, из которых вдруг выплывало, раздуваясь, какое-нибудь слово...

Снижаясь к улице, где стояла указанная пивнушка, заметил я два-три особняка покрупнее, двухэтажных, один даже с колоннами и балконом, лежащим на них. Видимо, в них обитали самые богатые мерки — наверное, владельцы магазинов, поставляющих уоркам на плантации дурманное питье и сласти с эйфором, а может быть, и сами плантаторы.

Наливайка была скромна: не слишком чистая комната с пластиковыми столами, со стойкою в углу, за которой расположилась плечистая женщина с мужицким скуластым лицом, показавшаяся мне странно знакомой. Людей в заведении сидело немного, в белых летних костюмах или сетчатых майках и шортах, — все больше полненькие, пучеглазые живчики, с ранними лысынами, подвижные, обильно

потеющие: мерки, живой портрет социорасы, осуществляющей во всем мире мелкую торговлю и посредничество. За одним столом ерзал перед высокой кружкой пива кудрявый, пухлогубый толстячок; было в нем что-то от обиженного бутуза, и он то и дело промокал грязноватым платком лоб и шею. А за другим, недвижно глядя в свой стакан, не снимая шляпы, сидел мужчина, назначивший мне встречу. Я узнал его сразу, хоть никогда не видел.

Появление человека из высшей социорасы, особенно столь небезопасной, как гарды, произвело обычное действие: по заведению прошла нервная подвижка, кто-то вперился в меня, кто-то, наоборот, тщательно отводил глаза; один же человек с красным, лисьим лицом и бегающими зрачками просто-таки выскочил вон, по пути швырнув могучей даме за стойкой пару глобо...

Мужчина в шляпе тоже разглядывал меня, хотя и вполне спокойно, с чуть уловимой насмешкой. Загорелый дочерна, с глубокими морщинами и почти бесцветными, круглыми, точно у ястреба, глазами, он казался существом, абсолютно чуждым всей этой обстановке и компании торгашей. Из-под серой обтрепанной шляпы до плеч спускались черно-серые пряди, крепкий подбородок покрывала щетина. Клетчатая рубаша и распахнутый жилет были словно взяты из виртосериалов о ковбоях и рейнджерах, героях

старых наивных времен. В большой костистой руке мужчина держал стакан: на три пальца виски и немного льда.

— Да, это я. Садитесь, Люк, и скажите, что вам принести, — не дрогнув под моим взглядом, хриловато сказал «рейнджер». Хоть обращение было не по форме, без «господина офицера» (кто знает, из какой он социорасы?), я почему-то не сделал замечания и охотно сел за стол. С новым знакомцем не хотелось чваниться; это его просто насмешило бы...

Подав руку и представившись — «Роман Шарпантье», он подозвал женщину из-за стойки жестом столь скупым и одновременно властным, что могучая барменша предстала почти мгновенно. Я тоже заказал себе виски, а к нему лимон.

Мы подняли стаканы, приветствуя друг друга.

— Значит, так, — сказал Роман, кладя локти на стол и сверля меня своими глазами-прицелами. — Ваше начальство свело нас, потому что я случайно взял след этого пацана. А ищет его, между прочим, уже вся гардовская служба Земли.

— Я в курсе. Служба вышла на вас?

— Нет, я на нее. Услышал, что ищут младшего Кэссиди, и связался. Жаль дурачка.

Проглотив и то, что при мне единственного сына Босса Кэссиди называли дурачком, я спросил

снова:

— Вы не землянин?

— Нет, конечно. — Он пошатал стакан, смешивая ледяную воду с виски, неторопливо отпил. — Регина. Статус делового визитера. Привез партию янтарного масла. А застрял тут, потому что вдруг нашел один приработок.

Роман ухмыльнулся криво, явно выражая свое отношение к этому приработку, — мне же сразу многое стало понятным. На Регине, старейшей из наших звездных колоний, основанной еще тогда, когда сайны получали громадные средства на исследования Космоса, сложилось своеобразное общество. Из-за тамошних условий жизни, не по-земному трудных и не смягченных цивилизацией, община, практически, не росла и не делилась на социорасы. Все считанные жители планеты были закалены физически, обладали самыми разными знаниями и владели множеством ремесел. Добытчики янтарного масла, чрезвычайно ценного для земной косметики, составляли элиту Регины. Их тренированность и сообразительность были повыше, чем у наших мутантов...

— ...Вы будете смеяться, но я стал получать приглашения от артов. Как натурщик! Говорят, что давно не видели у землян такого подтянутого тела, таких, понимаете, рельефных, как они выражаются — рабочих мышц; а биопластика — это, все-таки,

не то... В мои-то годы! И смех, и грех. Но платят. А я хочу прикупить домой кое-каких инструментов, да и взрывчатки тоже... Э! А это что за дела?!

Последний возглас Шарпантье касался того, что происходило с кудрявым толстячком. Допив свое пиво, тот со странной суетливостью расплатился у стойки и утиной походкою поспешил к дверям. Похоже, толстяк испытывал страх. И не зря: навстречу ему в заведение вошли два серьезных мужика в майках, рвущихся от напора мышц. Вошли одновременно, боком скользнув через порог, и в этом движении почудилась зловещая отработанность. У одного волосы были собраны в смоляной хвост, другой носил глубоко нахлобученную панаму. Взгляд у обоих был специфический, я бы сказал, сосредоточенно-отсутствующий, как у всех старых и неизлечимых эйфороманов.

Толстяк пискнул только и, до предела выкатив глаза, стал похож на рыбу-телескопа. Мужик с хвостом без лишних слов саданул его кулаком в пах; когда жертва с воплем скрючилась, второй добавил ребром ладони по шее, и оба, подхватив обмякшего пиволюба, повлекли его к дверям. Бабища за стойкой даже не подняла головы, протирая полотенцем стаканы; посетители если и обернулись, то мельком, точь-в-точь, как взглянули бы на залетевшего голубя. Может быть, и мы с

Романом скоро отвлеклись бы от этой сцены, типичной для зоны мерков. Торговый люд, как и любая социораса, имел свои внутренние законы, свои наказания для нарушителей установленного порядка; мы, гарды, вмешивались, только если волнения становились слишком велики и могли угрожать целостности Пирамиды, как то было в 2267 году среди уорков на Борнео. Но вдруг толстяк, которого, как оказалось, совсем не «вырубили», забился в руках у насильников и забулькал, словно вскипающий чайник, призывно глядя именно на нас. Затем сквозь бульканье прорвалось что-то вроде «...мамагите!». В следующую секунду его выволокли вон, на солнечный двор.

Очевидно, правила взаимопомощи на Регине изрядно отличались от земных и были накрепко впечатаны в подсознание. Во всяком случае, Романа будто боевая труба позвала, так резво он взвился с места.

Поскольку он уже был моим партнером, я не считал возможным отставать... Выбежав на улицу, мы увидели, как решительная парочка запикивает толстяка в обшарпанный красный флакар, а тот, упираясь руками и ногами, все пытается позвать нас на помощь. Наконец, хвостатый с левой врезал похищенному в челюсть — мотнулась кудрявая голова — и замахнулся снова, намереваясь, видимо, обездвигить строптивую добычу. Но Шарпантье

предупредил бандита, забежав сзади и с двух сторон ребрами ладоней ударив его по пояснице.

Любой другой завизжал бы от внезапной дикой боли, — только не эйфороман. Хвостатый расплылся в умиленной улыбке, будто молодой отец, которому впервые показали первенца. Подкуренного бить бесполезно, ему в кайф, даже когда ломают ребра. Однако другой похититель сообразил, что добычу, кажется, отбирают, и очень смущенно («извините, вы славные парни, но я вынужден..») полез в боковой карман джинсов...

Тут на первый план вышел я, в своей форме с нашивками, и зычно велел всем оставаться на местах.

Толстяк ворочался в горячей пыли. Роман отступил, посасывая ладонь. Состояние налетчиков было двойственное. С одной стороны, они наперебой выражали мне свою радость, только что руки не целовали, — любую опасность эйфор преподносил, как подарок судьбы, умирая, эйфороманы благодарили своих убийц; с другой стороны, сознание подсказывало молодцам, что дело плохо, и счастливое выражение их лиц вдруг сменялось растерянным. Особенно интересно вел себя хвостатый: Романов удар что-то повредил у него внутри, и, младенчески смеясь, бандит при этом шатался, не в силах толком распрямиться... Наконец, его товарищ в панаме, субъект на

редкость неприятный, с перебитым носом и гнусавым голосом, решил все же постоять за интересы дела и заканючил:

— Господа хорошие, да он нам должен, мы в своем праве...

Возможно, Шарпантье уже и раскаивался в своем благородном порыве, — но отдавать толстяка на растерзание не хотел, самолюбие не позволяло: стоял, заложив руки за спину и жестко щурясь, что при его ястребиной внешности могло нагнать жути. Мне было, конечно, все равно, кто кому здесь должен, кто кого прибьет или живьем закопает. Но этика партнерства, у гардов очень сильная, не позволяла оставить Романа. И я сказал, хлопнув по кобуре:

— В другой раз будете скачивать свои долги. Он нам нужен. А ну, марш отсюда!..

Тут, видно, шакалы даже сквозь наркотическую одурь смекнули, что дуло моего бимера может стать последней вещью, которую они увидят. Еще раз поклонившись и одарив нас лучезарной усмешкою, панамоносец нырнул во флакар; хвостатый, держась за живот, но лицом и ужимками изображая крайнее восхищение нашей встречей, вполз следом. Ободранная посуда панически сорвалась в воздух.

Барменша, не прекращая невозмутимо хозяйничать за стойкой, окриком вызвала

слюнявую полуголую девку, явно уорковского вида, — подтереть пролитое пиво и вообще убрать следы потасовки. Тем временем мы усадили пострадавшего за наш стол, помогли ему отряхнуться, заказали для возвращения в себя двойную порцию виски, и Роман участливо спросил:

— И много ты им должен?

— Да он сами меня подставили, гады! — слезливо ответил толстяк, задирая рубаху и ощупывая ребра под сине-черным кровоподтеком. Вблизи он был еще более похож на малыша, со своими невинно-обиженными глазенками и губами, сложенными, как для поцелуя. — Этот — у-у! (он соорбил гримасу, изображая грубые черты хвостатого) — вообще беглый уорк... поднатаскался в трэше, говорить научился кое-как... А тому, паскуде, за такие дела и нос сломали.

Говор и словарь были характерны для низших мерков. Мне пришлось чуть ли не переводить Роману, еще плохо знакомому с диалектами земных социорас, что эти двое якобы предложили толстяку бесплатно, для заманивания новых клиентов, порцию эйфора запретно высокой концентрации, от которого можно и окочуриться. Толстяк клиентов нашел; те после суток сплошного балдежа возжаждали еще наркотика, — но когда торговец

вновь обратился к поставщикам, они заявили, что, по их сведениям, он взял с будущих покупателей плату, и немалую, и потребовали поделиться...

Честно говоря, я легко допускал, что шустрый «бутуз» и впрямь обдурил поставщиков. Где мерки, там всегда грязно и царят нравы бродяжьего подполья — трэша... Но вдаваться в подробности не стал, а, дождавшись, пока он допьет свой виски и начнет веселее смотреть вокруг, предложил толстяку идти своей дорогой.

Однако мерк не поспешил поклониться и выбежать вон, как сделал бы любой представитель низшей социорасы, получив распоряжение от гарда. Наоборот, он воззрился на меня развязнее прежнего и заявил:

— Господа, вы можете вытряхнуть из меня все дерьмо, но я знаю, где тот, кого вы ищете.

Великая Пирамида! Я и забыл, что многие мерки мутируют в направлении сверхчуткого слуха. Он себе потягивал пиво, но ушки держал на макушке и слышал до слова все тихие реплики, которыми за соседним столом перекинулись мы с Шарпантье.

— Вот сейчас и вытряхну, — сказал я. — Хочешь за свое вранье получить еще пару глобо? Так я бить не буду, я в тебе прожгу дырку размером с твою башку... А ну, пошел отсюда!

— Клянусь мамой, не вру! — Прижав кулачки

к груди, он зажмурился и быстро-быстро, истово замотал головой, что должно было обозначать полную правдивость. — Я так понял, пропал пацан, и господин офицер его ищет, а господин ему помогает. Наверное, родители у парня... — Закрыв глаза, мерк губами и подбородком показал вверх. — А господин сказал, что подрабатывает натурщиком у артов в Крамерхалле. Наверное, он знает старого Зуки?

— Да, я знаю старого Зуки и знаю, что он покупает мальчиков, — настороженно сказал Роман. — Нас сейчас пишет один арт, Зуки и меня. Зуки на картине будет римским патрицием, а я рабом-гладиатором. И недавно этот старый педик похвастался, что в его гарем привели какого-то чудной красоты малыша. Но это все я знаю и без тебя. Я потому и связался с гардами. Так какой от тебя толк?

— Большой! — Разгораясь азартом, толстяк придвинулся ближе к нам. — Господин офицер, конечно, может вломиться в квартиру Зуки, — но пока он будет это делать, мальчика спрячут, там куча всяких ходов-переходов, подвалов...

— А что ты предлагаешь?

— Я? — Мерк скромно потупил ресницы. — Меня Зуки приглашает на это самое... ну, как он называет... ночи в банях Кувыркалы, что ли!

— Каракаллы¹, — поправил я — и сам удивился. Неведомо откуда взялись знания об этом злосчастном позднем цезаре и его роскошных банях-термах...

— Ну да. Сам Зуки уже, можно сказать, почти ничего не может, и никакие мутации не помогают, — мозги сгнили. Так он любит посмотреть со стороны. Ну и, бывает, что я с каким-нибудь мальчиком...

— Ладно, — так резко прервал толстяка и столь выразительно двинул желваками Роман, что я понял: нравы на Регине целомудренные. — Что ты предлагаешь?

— Ну, я не знаю, вам виднее... Дайте мне какой-нибудь передатчик, — когда я увижу этого пацана, дам сигнал... придержу его как-нибудь... а господин офицер...

— Куда же тебе передатчик? — на полном серьезе спросил я. — Ты же будешь голый. *Туда*, что ли, тебе его запихнуть? Так там его раздавят!..

— А вы это... импа... имплантируйте!

— Много ты понимаешь... — Я помолчал, прикидывая в уме ситуацию, и махнул рукой. — Ладно. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

¹ К а р а к а л л а — римский император с 211 по 217 гг. Убит заговорщиками.

Попробуем. Когда там начинается... у Зуки?

— Полный сбор где-то в двенадцать, в час ночи, — с готовностью ответил мерк.

— Значит, в двенадцать здесь же. И смотри у меня, суперагент хренов! Мальчик дорогой, за ним — ты прав — стоят *очень* большие люди. Если ненароком вздумаешь нас подставить или там... припрятать пацана и начать вздувать цену, — он все равно попадет к нам в руки, а от тебя останется меньше, чем можно собрать в чайную ложку. Я понятно выражаюсь?

— Конечно, конечно, господин офицер, — заюлил он на стуле. — Святая Пирамида, — что значит вздувать цену?! Разве я могу? Я вообще не назначаю цену... сколько дадут добрые господа за помощь, за то и спасибо!..

— Дадим, не обидим, — сказал я, вставая; мерк подобострастно вскочил. Что-то мне очень не нравилось в только что состоявшемся разговоре... что-то щекотало задним числом... понять бы, что именно! Добро, время еще есть, — а этот проныра может-таки пригодиться...

— Тебя, кстати, как зовут, суперагент?

— Нури Саид, господин. Частный предприниматель, могу патент...

Взмахом руки я избавил его от этой процедуры. Надо же, составное имя, — не частая роскошь у мерков, обычно обходящихся короткими

кличками. Может быть, даже родовое имя, унаследованное от тех времен, когда на Земле еще были разные народы, все эти немцы, аглы, хинды, барабы, франсы... С ума сойти, — сотни народов, и у каждого свои имена, свой язык! Единственное, что с тех пор уцелело, это названия некоторых старых городов и регионов. Вот мы, например, сейчас в Оберграфендорфе, Южногерманский регион... Нет, — право, с социорасами проще! Их и всего-то семь. А язык, слава Пирамиде, на Земле вообще один...

IV

Отпустив Нури Саида, мы с Романом потянули еще по двойному «скотчу» со льдом, а потом я решил все же проверить «суперагента». Положив перед собой уником, связался с информбанком Службы гардов. Столбец данных высветился сразу, никаких заминок: Нури Саид, 23 марта 2244 года, по отцу — мерк в четвертом поколении, по матери — в третьем поколении серв... интересно! Брак между разными социорасами — штука редкая, поди получи на него разрешение. Значит, двойное имя, скорее всего, от сервов. Ну, допустим... Адрес — здешний, все правильно. Патент частного предпринимателя, лицензия на алкоголь и разрешенные виды эйфора;

мелочная торговля, оптовые поставки в зоны урков. Мировой Банк, отделение Уэст-Европа, номер счёта. Холост. Наказаниям не подвергался. Прицепиться не к чему...

Коротая время до полуночи, мы погуляли по городу. Его центральную, историческую часть, как положено, населяли высшие и средние менды округа с семьями и командами сервов; бывшие многоквартирные дома были укреплены и перепланированы так, чтобы каждой привилегированной мендовской семье достался не менее, чем этаж; перед аккуратными фасадами стояли, ожидая хозяев, ухоженные блестящие флакары, в уютных зеленых дворах возились садовники.

Имелись в городе и христианские церкви, в том числе почтенный католический собор. Состояние их можно было назвать средним: с одной стороны, не снесли, поскольку, вероятно, оберграфендорфскою стариной интересовались туристы из высоких социорас; с другой, держали в запустении, ибо не стало прихожан. Витражная розетка собора, хоть и подновленная, со вставленными стеклами, на темном внутри, безмолвном здании казалась чем-то вроде маски на трупе...

Пужинали мы в хорошем ресторане, куда, конечно же, не было ходу меркам или низшим

сервам; внерасового Романа я «прикрыл» своим статусом. Потом пришлось возвращаться в наливайку.

Нури Саид уже ожидал нас, сидя за пивом в аккуратном белом костюме с короткими рукавами и брюками-бермудами, положив перед собой соломенную шляпу с бантом, — ни дать ни взять загулявший турист-менд. Вокруг него в эту пору заправлялся спиртным десяток хмурых, атлетического сложения мерков, — надо полагать, заведение ночью служило местом встречи молодцев, выколачивающих долги, своего рода мерковских гардов. Подивившись спокойствию Нури, — ведь парочка шакалов вполне могла за ним явиться, — я отметил про себя, что это обстоятельство подозрительно. Плюс неприятное ощущение, оставшееся после первого разговора.

Но делать было нечего, события развивались. Славив к себе в джампер, я переоделся: напялил джинсовую пару, сандалии, на голову синее кепи. Все было лучше, чем сразу привлекающая взоры форма гарда; она одна могла с порога испугнуть весь курятник Крамерхалле. Оружие, уником и бляха, само собой, оставались при мне.

Затем, еще раз объяснив Нури, во что он превратится, если попробует не то что предать, а сделать хоть шаг в сторону, — мы втроем отправились к обиталищу артов.

Слава Пирамиде, идти было недалеко, — Крамерхалле, названный так в честь основавшего его Босса Крамера, стоял на границе пояса мерков. Это был ярко освещенный изнутри, прозрачный многогранник высотой с пятиэтажный дом, занимавший не меньшую площадь, чем ангар для рейсовых орбитеров. Видимо, чтобы соорудить его, снесли не один прежний квартал.

Как и везде, от полюса до полюса, арты, эта необычайная из страт четвертой по рангу социорасы — сервов, жили здесь своею тесной общиной, где квартиры соседствовали, а то и сливались с мастерскими, мастерские же выходили в общий холл для выставок-продаж. Я слышал или читал, — во всяком случае, был полностью уверен, что некогда предки артов не селились столь компактно, и творчество их отличалось куда большим разнообразием, чем сегодня. Но со временем, когда экономика разделила людей на миллиардные социорасы, заменившие прежнюю пестроту стран и народов, — писатели, художники, актеры, музыканты и прочие деятели того же рода были вынуждены образовать профессиональные поселки и начать работать индустриально. Хотя, собственно, и писателей-то, в прежнем смысле, уже не осталось: они стали сочинителями рекламных текстов или авторами речей и обращений для администраторов-мендов. И музыкоделы, и актеры

трудились только в рекламе, в пропагандистских или церковных шоу, выполняли также прихоти богачей, — но никоим образом не творили на свободе... Художники разделили общую судьбу всех мастеров искусств, ныне звавшихся артами.

Заказы к артам поступали несколькими путями: покрупнее, позначительнее — от высших мендов, заботившихся о том, чтобы все уровни человечества получали нужное внушение через искусство; порой не менее масштабные — от храмов господствующей Религии Пирамиды, помельче — от разбогатевших мерков. Но, разумеется, самые грандиозные и щедро оплачиваемые заказы делали находившиеся где-то в недостижимой высоте Боссы...

V

Вошли мы легко, причем не благодаря моему статусу, — я как раз не спешил раскрываться, — а с помощью Нури, шепнувшего несколько слов охраннику. Честно говоря, я уже много лет не бывал на художественных выставках. Минутами мне казалось, что подобной выставки я не видел вообще никогда. Но потом вдруг пришло понимание того, что должны значить вещи, наполнявшие длинный зал. Пожалуй, об этом рассказывали в школе гардов, на уроках